I

Глубокоуважаемый Леонид Павлович!

В день Вашего славного юбилея - 90-летия со дня рождения сердечно поздравляем Вас, выдающегося этнолога-тюрколога, и желаем Вам доброго здоровья и еще долгих лет успешной научной деятельности.

В Вашем лице мы приветствуем создателя новых научных направлений в этнологии, творца множества актуальных трудов по этнографии тюркоязычных народов Евразии. Ваши работы постоянно дают новый импульс развитию гуманитарной мысли, во многом являются образцом научной добросовестности, объективности, искренней доброжелательности к изучаемым народам.

Как ученый-интернационалист, общественный деятель и яркая личность, Вы всегда будете служить примером подражания для молодежи, для многих Ваших коллег и собратьев по науке.

Историю отечественной тюркологии, историко-этнографического изучения тюркоязычных народов Саяно-Алтая невозможно представить без Ваших трудов. Вслед за В.В.Радловым Вы уделяли и уделяете особое внимание вопросам этногенеза и этнической истории шорцев и алтайцев, хакасов и тувинцев. Ваши работы "Происхождение и формирование хакасской народности" и "Этнический состав и происхождение алтайцев" вошли в золотой фонд этнологии. К числу лучших Ваших работ относятся и прекрасные исторические исследования "Очерки по истории Шории" и "Очерки по истории алтайцев". Последняя работа справедливо получила высокую оценку - Государственную премию СССР.

Значителен Ваш вклад и в историко-этнографическое изучение традиционной народной культуры и быта тюркоязычных народов Южной Сибири. Сейчас просто невозможно представить ни одного исследования, в котором бы не были использованы Ваши прекрасные работы по пище или одежде алтайцев, по охотничьему промыслу у шорцев или традиционным чертам народной культуры и быта тувинцев.

Особое место в Вашем творчестве занимают работы по фольклору, который Вы всегда рассматривали в контексте этнокультурной, этнической истории народа. Благодаря Вам в эпосоведении удалось существенно приблизиться к решению проблем оценки феноменов степных эпосов в таежной зоне Саяно-Алтая, проблем народности эпического творчества, специфики использования фольклорных материалов как одного из важнейших историко-этнографических источников.

Одной из ярчайших страниц Вашего научного творчества являются Ваши работы по алтайскому шаманизму. Все они, начиная с Ваших первых работ с описанием наблюдений, сделанных во время камлания алтайского шамана, и вплоть до фундаментального исследования алтайского шаманизма как социокультурного феномена огромного региона, опубликованные на родине и за рубежом, характеризуются глубочайшим уровнем постижения основ народной духовной жизни тюркоязычных народов Южной Сибири. Не случайно именно Вам удалось глубоко фундировать положение о специфике алтайского шаманизма как религии. Ваш вклад в развитие исследований в области шаманизма был отмечен в 1992 году премией Международного фонда шаманистических исследований (США).

Вы внесли серьезный вклад и в осмысление теоретических проблем этнографии - проблем общественного строя кочевых народов, своеобразия родового строя тюрков Саяно-Алтая.

Огромна Ваша роль как организатора этнографической науки в стране. В течение двух десятилетий Вы успешно возглавляли Ленинградский филиал Института этнографии АН СССР. Во многом благодаря Вашим усилиям в 1940-60-х гг. советская этнография имела возможность плодотворно развиваться.

Ваш талант организатора проявился и в создании таких фундаментальных трудов как том "Народы Сибири" (1956 г.) и историко-этнографический атлас "Народы Сибири" (1961 г.), и в организации уникальной Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. В течение многих лет Вы возглавляли и входили в состав ученых советов крупнейших институтов и университетов страны, редколлегии журнала "Советская этнография", являлись ответственным редактором многих монографий и сборников статей.

Профессионал-этнограф, Вы всегда уделяли большое внимание пополнению этнографических собраний крупнейших музеев страны - Музея антропологии и этнографии и Государственного музея этнографии. Время, когда Вы возглавляли Институт этнографии и одновременно МАЭ, было одним из наиболее плодотворных в деятельности музея. При Вашей поддержке были обработаны и введены в оборот в серии всемирно известных Сборников МАЭ значительные массивы этнографических коллекций.

Ваши организаторские способности позволили Вам, вместе с акад. Бертельсом и Кононовым, стать одним из основателей постоянного алтаистического форума PIAC.

Все Ваши знания и огромный опыт научно-исследовательской работы Вы терпеливо и талантливо передавали Вашим ученикам и по праву можете считаться главой одной из крупнейших научных школ в стране. В числе ваших учеников десятки кандидатов и докторов наук. Благодаря Вам, на Алтае, в Хакасии, в Туве выросли свои профессиональные этнографические кадры, которые составили основу национальных научно-исследовательских институтов.

Примите, дорогой, многоуважаемый Леонид Павлович, в этот день наши поздравления, искренние пожелания крепкого здоровья и продолжения Вашей неустанной научной деятельности, способной подарить миру еще не одну прекрасную работу. Мы преклоняемся перед Вашим научным подвигом. Вся Ваша жизнь - образец беззаветного служения Науке, профессиональной честности, любви к изучаемым народам!

"ЭТО БЫЛА НАУКА, И ЕЩЕ КАКАЯ!"

(Со старейшим российским этнографом Л.П.Потаповым беседует В.А.Тишков)

В.А.: Леонид Павлович, интересно было бы услышать: с чего началось Ваше увлечение наукой, как складывалась Ваша карьера профессионального этнографа?

Л.П.: Дело вот в чем. Я родился в Барнауле. Это был губернский город, выросший на базе Ползуновского и других серебряных заводов. Город был не маленький, с большим числом каменных строений XVIII в. Много было в городе и технической интеллигенции. Там родился, там успел четыре класса гимназии кончить, пока ее не упразднили. Отец мой был мелким чиновником, служил в канцелярии Главного управления Алтайского округа кабинета Его Величества. Как-то он взял меня еще мальчишкой с собой в Белокуриху, где лечился от ревматизма. Белокуриха - это в 60 км от Бийска, в предгорьях Алтая. Там находятся знаменитые родоновые источники, не уступающие Цхалтубо. Так вот, пока отец принимал лечебные ванны, я с местными алтайскими мальчишками ловил рыбу в речке Белокурихе. Там я научился говорить по-алтайски. Места мне необыкновенно понравились, я просто влюбился в природу Алтая. Тогда-то и решил - буду ботаником. Это было году наверное в 1910 или 1911. С тех пор попасть на Алтай стало моей мечтой.

С этой мыслью я тайно от родителей поступил на курсы лекарственных растений и за время учебы в реальном училище прошел их и получил удостоверение инструктора по сбору лекарственных растений.

В.А.: Тогда, вероятно, еще не было термина для обозначения этой науки фармакогнозия?

Л.П.: Нет, не было. Так вот. Я закончил курсы и подговорил еще нескольких своих школьных товарищей, и мы весной, окончив учебу в училище, сели на пароход и удрали сначала в Бийск, а оттуда уже собирались идти 100 км пешком до Горно-Алтайска. Тракт проходил между Катунью и Бией, ближе к Катуни, скорее даже по правобережью Катуни. Вот туда мы и стремились.

© В.А.Тишков, 1995 г. (Интервью впервые опубликовано в журнале "Этнографическое обозрение", 1993 г., N 1, С.106-114).

Однако спохватились родители, объявили розыск, нас в Бийске и зацапали. Привели в ЧК, но и у меня, и у ребят были официальные удостоверения, что мы едем на работу. Поэтому нас не только не вернули, но и дали разрешение получить на четырех человек одну подводу, так что мы могли положить свои мешки на подводу. Первая ночевка была около села, где потом жил Шукшин. В пути мы собирали травы, сушили их, нам помогал местный кооператив - тогда ведь кооперативы были.

В.А.: Вы травы собирали по консультации с местным населением?

Л.П.: Нет, мы сами все травы знали. До сих пор я современным врачам подсказываю. Даже все латинские названия помню. Например, современные врачи не знают, что лечебными свойствами обладал горицвет весенний - Adonis vernalis. Теперь им не лечат. А вот наперстянку знают. Да, но вернемся к Алтаю. Знаете, там мне повезло. На одной из экскурсий в алтайские аилы, куда меня все тянуло, я познакомился с Андреем Викторовичем Анохиным. Он был школьным учителем пения и краеведения в городе Барнауле. К сожалению, я учился не в той школе, где он преподавал. По его совету я стал посещать алтайцев, и это затягивало меня все больше и больше, ботаника стала отходить на второй план. К тому же Анохин меня еще и подзадоривал. После возвращения домой я поддерживал связь с Андреем Викторовичем весь год, и уже в следующем - 1922 - он зачислил меня практикантом экспедиции Академии наук - тогда Российской Академии наук. Это удостоверение у меня до сих пор есть с печатью губисполкома - о том, что Потапов Леонид Павлович зачисляется в экспедицию Российской Академии наук под руководством А.В.Анохина. И в 1922 г. я уже приехал на Алтай в качестве этнографа и впервые присутствовал на камлании шамана вместе с Андреем Викторовичем. А в 1924 г. в местном издательстве "Алтайский кооператор" вышла моя первая работа - "На камлании". Мы наблюдали за Сапыром Туяниным, замечательным шаманом - он поил из чашечки своего курмужека (так называется антропоморфное изображение души). Был полумрак, необычная обстановка - и я заболел. Я заболел этнографией. И этот год, и следующий, 1923, я провел на Алтае. Другого для себя уже не представлял. А в 1923 г. приехала на Алтай экспедиция из Ленинграда - там и Н.П.Дыренкова была, и Л.Э.Каруновская, Л.Б.Панек, А.Е.Ефимова. Они работали с Анохиным. Интересовали их алтайцы, и частично шаманизм. А Анохин знакомит: вот Леонид, Леонид вас туда отвезет ... Я мог работать даже переводчиком. В следующем году - это был уже 1924 - Анохин убедил их, что они должны меня увезти в географический институт (тогда в географическом институте был этнографический факультет). Они, конечно, согласились, переговорили со Штернбергом и Богоразом, а я получил рекомендательное письмо от Анохина к Ольденбургу и Штернбергу, которых тот знал лично. И вот в 1924 г. я приехал в Ленинград поступать на этот самый этнографический факультет. А в 1925 г. географический институт был объединен с университетом, так что получилось, что зиму я учился в географическом институте и жил в его общежитии на Мойке, а затем стал студентом университета. В 1924 г. я познакомился со

Штернбергом и Богоразом, последний мной заинтересовался, и я стал ежедневно ходить к нему в МАЭ. В музее я проводил все свое свободное время и наконец даже получил работу. Это было для меня особенно важно, так как первое время у меня не было стипендии. Какая же была эта работа? Я переносил книги в новое помещение библиотеки (там, где она и сейчас находится), т.е. из одного конца здания в другой. Работали мы вдвоем, я и студент Сойконен. Носили книги в бельевой корзине и получали за это два рубля в день. Библиотекарем тогда была внучка Радлова, Елена Маврикиевна. Рыжая, сухая, необыкновенно доброжелательная. Так я стал МАЭвцем. А через некоторое время меня взял к себе в секретари Богораз.

В.А.: А что собой представлял музей тогда?

Л.П.: Это было солидное научное заведение, известное широко за пределами нашей страны. Число работающих было небольшим, однако уровень научных работ, издаваемых музеем, был очень высок. Вы знаете, я считаю, что система, при которой музей был одновременно и научным центром, правильна. Мы же сделали музей сначала научно-просветительским, затем просто просветительским, причем в это понятие стали вкладывать свое, упрощенное понимание. Просветительство гораздо более глубокое и широкое понятие, к тому же в наше время оно сильно политизировано.

Но вернемся к 20-м годам. В это тяжелое для меня время Богораз предложил мне написать что-нибудь для "Вечерки", видимо, просто хотел меня поддержать. Он знал, что я пописываю, и всегда мне протежировал. А потом и просто сказал: "Я буду платить вам 40 руб. в месяц, а вы будете помогать мне в работе, исполнять поручения". Что же входило в мои обязанности? Я поселился на углу Торговой улицы и Английского проспекта, ныне улица Печатников, как раз напротив его дома. Квартира Владимира Германовича находилась на противоположном углу. Я должен был с утра приходить к нему, брать мешок - он носил свои книги и бумаги в рюкзаке - и мы пешком, через площадь Труда, через мост лейтенанта Шмидта, шли на Университетскую набережную и к себе в МАЭ. После этого я был свободен. Иногда были какие-нибудь поручения, например, сходить в библиотеку, еще куда-нибудь ... Но обычно я шнырял по всему музею. Это время я был в распоряжении Ноэми Григорьевны Шпринцин, ассистентки Богораза. В конце рабочего дня я снова взваливал на себя битком набитый рюкзак и мы отправлялись в обратный путь. Снова мост лейтенанта Шмидта, площадь Труда ... На углу площади Труда мы покупали шоколад, были такие трубочки, наполненные шоколадными конфетами, и "Красную вечернюю газету". Придя домой, мы вынимали все книги на письменный стол, Богораз садился в кресло, клал на стол ноги и отдыхал. Я же читал ему в это время "Вечернюю газету" и одновременно ел шоколад. Так начиналась моя этнографическая деятельность.

В этнографическом музее в те годы существовал Радловский кружок, который вел Бартольд. В работе этого кружка принимали участие и студенты. Именно там делал я мой первый доклад, написанный на основе полевой работы - все-таки я и с охотниками в тайге был, имел представление о промысле, верованиях. А в 1925 г. получил первую в своей жизни командировку от университета на все лето и 30 руб. денег. И в следующем году я тоже ездил на Алтай, однако по окончании университета в 1927 г. распределения на Алтай я не получил - там не было мест. И я уехал в Узбекистан, где должен был отработать 3 года. Меня отправили в распоряжение Наркомпроса, который в то время находился в Самарканде. Отправлял меня Александр Николаевич Самойлович. В Узбекистане я получил большую должность: при Наркомпросе была Главнаука, а при Главнауке - отдел научных учреждений, которым я стал заведовать. В моем ведении было около 20 научных учреждений, среди них такие известные, как Ташкентская астрономическая обсерватория, Итабская широтная станция, знаменитая Ташкентская библиотека, музеи, - а какой я был специалист? У меня была большая по тем временам зарплата в 175 руб. Я выговорил себе условие (поскольку меня прислал Самойлович, с которым там очень считались, там его и академиком потом выбрали), что останусь на этой должности лишь при условии, что мне разрешат ездить по всему Узбекистану и собирать полевой этнографический материал. В командировки я мог ездить в любое время, чем активно пользовался, благо расходы были минимальными. Я объездил весь Узбекистан. Собрал около 500 поверий и примет доисламского времени. А со своей руководящей деятельностью я решил так: собрал на первое совещание всех директоров подведомственных мне заведений, благо большинство находилось тут же, в Самарканде либо в Ташкенте, но приехали и из других мест, и объявил: "Вы знаете, я окончил Ленинградский университет, я этнограф и люблю свою специальность, я тюрколог, что же касается руководства, то в этом я ничего не понимаю и поэтому прошу вас и дальше исполнять свои обязанности, а если необходимо что-то подписать - то вы мне покажите, где надо подписывать".

В.А.: Скажите, а по национальности руководители были русские?

Л.П.: Да, русские, как местные, так и приезжие, например, Лясковский. Он сказал на том совещании "Ну, вот и хорошо. О таком руководителе я, например, мечтал". И больше уж меня

никто не трогал. Вскоре мы организовали научно-исследовательский институт, переросший потом в Академию ...

В.А.: В Узбекскую Академию наук?

Л.П.: Да, именно. Организовали мы институт, у меня даже там статья издана по этнографии узбеков. Собирались переезжать из Самарканда в Ташкент. И в это время в Ленинграде был объявлен первый набор в аспирантуру Российской Академии наук. Я решил подавать заявление в аспирантуру. Это же мне советовал и Самойлович. В аспирантуру в то время принимали лишь людей, имеющих печатные работы. У меня к тому времени было несколько работ, и я был допущен к конкурсу. Осенью 1930 г. меня вызвали на экзамены. Экзаменационная комиссия под председательством Н.Я.Марра заседала в одном из залов главного здания Академии наук, там, где сейчас находится ЛАХУ. Экзамены держало много народу, все с именами - Ленкоров, Даниекалсон, Костя Державин, сын Николая Севостьяновича, Дыренкова. И Потапов среди них затесался. Этнографов было всего двое: я и Дыренкова. Я поступил, однако на экзамене сорвался. Экзамен был очень строгий, Марр сам председательствовал, в комиссии сидел кто-то из марксистов того времени, уже не помню кто, кажется, местный, возможно, Бусыгин. Н.Я.Марр задает мне вопрос: "Леонид Павлович, вы очень хорошо отвечаете, я думаю, у нас будет все в порядке. Я только хочу спросить: как вы относитесь к яфетической теории?" А я возьми и бухни, что, дескать, отрицательно. У комиссии шок: как, почему отрицательно? А я что имел в виду, говоря "отрицательно" (мы все тогда увлекались этой теорией - сведением всех языков к четырем первоосновным словам), - мне она казалась неубедительной. Тогда Николай Яковлевич меня спрашивает: "А вы знаете мою теорию?" Я говорю: "Нет, пожалуй, я ее не знаю". "Леонид Павлович! Не зная, отрицаете, да еще в таком тоне?" Ухмыльнулся, и на этом мы разошлись. Мы вышли в коридорчик, сидим, ожидаем результатов. Вызывают нас снова в зал и объявляют оценки. Пять, пять, пять ... Все получили пятерки. Потапов - четыре с плюсом. Отомстил. Четыре с плюсом! Да еще с приговоркой: "Теперь, Леонид Павлович, вы будете каждую среду приходить ко мне домой на Седьмую линию и слушать мой семинар по яфетической теории". И я ходил каждую среду слушать яфетическую теорию, честно ходил. Читал обычно не сам Марр, а Иван Иванович Мещанинов ...

В.А.: Из Института материальной культуры?

Л.П.: Да, из Академии материальной культуры. В столовой, где шли занятия, стояла школьная доска, лежал мел, и Мещанинов писал все эти формулы. Марр прислушивался, иногда сам выйдет, подойдет к доске, вынет из кармана носовой платок, сотрет написанное - и сам что-то напишет. Потом тем же самым платком вытирал себе ворот. Нас это очень смешило. Да, как бы то ни было, семинары я прослушал. Мне было не все понятно, к тому же я не считал, что Марр действительно марксист. Сам я был убежденным марксистом, остаюсь им и сейчас - не в политическом плане, а в философском. Я остаюсь сторонником марксизма как метода историзма. Без этого никуда не денешься. Можно марксизм не признавать, но если вы настоящий ученый, то непременно к нему придете.

В.А.: Шаманизм, кажется, меньше всего имеет к этому отношение.

Л.П.: Тем не менее это источник. Но вот наступает время окончания аспирантуры. Диссертаций в то время не было, следовательно, защищать было нечего. Аспирантуру я закончил досрочно. К этому времени у нас начались расхождения с Надей Дыренковой - видимо, она меня ревновала к материалу: ведь я и сам оттуда, и алтайцы меня знают, и я даже участвовал в 1927 г. в жертвоприношении. Меня приняли в сеок, я по-алтайски мундус. Как-то я рассказал об этом на большом совещании в Ленинграде. Узнав, что я своим высоким званием ленинградского студента освятил древний обычай, меня хотели сразу же выгнать из университета, несмотря на то, что обычай не зверский, а родовой. Я вижу: в Ленинграде мне места не будет. Так как диссертаций не было, то я написал книгу "История Ойротии" и поступил следующим образом. Я взял ее с собой в первое же лето на Алтай, пришел в Горно-Алтайский обком партии и показал эту книгу. Секретарем обкома был Гордиенко, русский. Он прочитал рукопись и позвонил в Новосибирск Роберту Индриговичу Эйхе, а Эйхе был в ту пору членом Политбюро. Меня вызвали с книгой в Новосибирск к Эйхе. Эйхе, суховатый человек, принял меня любезно и говорит: "Мы прочитали вашу книжку ..."

В.А.: Какой это был год?

Л.П.: Это был 1933 г. "... Мы прочитали книжку, и она будет быстро издана. Поживите у нас несколько дней". Меня отправили на партийную дачу. Я жил на даче в одиночестве 2 дня, пока они что-то решали. Бильярд стоял, а играть было не с кем. Потом вызывает меня Эйхе, и действительно - напечатали мою книжку.

В.А.: Что же послужило основанием такого решения?

Л.П.: Я доказал - именно доказал, основываясь на конкретном материале, что у народов Алтая существовало классовое расслоение и имущественное неравенство. Вот здесь мне по-настоящему пригодился Ленин, его "Развитие капитализма в России". Как вы помните, там Ленин

критикует любителей средних цифр, приводя конкретные данные от и до. Я использовал этот прием для анализа материала переписи 1897 г. Получились поистине чудесные вещи, убедительная картина классового расслоения. Эйхе потом неоднократно в своих работах ссылался на эту мою книгу, когда надо было говорить о существовании в тех местах кулачества и т.д.

В.А.: Мы подошли к тяжелым временам сталинских репрессий. Что могли бы вы рассказать об этом, особенно в отношении малых народов, в отношении шаманства. Коснулось ли все это их?

Л.П.: Да, непосредственно и очень сильно. Шаманов стали обвинять буквально во всем и, естественно, они в ответ оскалились. Хотя у шаманов давно существовала вражда с миссионерами, но она не шла ни в какое сравнение с начавшейся кампанией.

В.А.: С миссионерами русской православной церкви?

Л.П.: Да. Шаманов обвинили в том, что проводимое ими большое число камланий ведет к уничтожению множества скота, приравняли к врагам народа и кулакам и выслали. А в 1930 г. шаманов обязали сдать все бубны в сельсоветы. Сельсоветы же пересылали бубны в музей. Я помню, что собралась целая гора этих бубнов, хорошо, Анохин был еще жив, разбирался с ними ...

В.А.: Бубны поступали и в МАЭ?

Л.П.: Нет, коллекция МАЭ сложилась до этого, в основном из привезенных Анохиным бубнов. Нет, в 1930 г. просто сдавали бубны в сельсоветы, и все. Анохин потом и меня привлек к определению поступлений. В те годы я уже в бубнах поднаторел, так как имел дело непосредственно с шаманами, поэтому в этнической специфике разбирался. А потом все эти бубны взяли и сожгли. Был тогда такой музейный деятель, который решил, что все это барахло, ни с кем не посоветовался и сжег. Хорошо, у меня хоть фотографии остались. Я тогда много отснял и зарисовал - рисунки делал по моему заказу алтаец Саша Каланаков. Часть из них приведена в моей книжке. Очень хорошие рисунки. Таким образом мы спасли хоть что-то.

В.А.: Это были сотни бубнов?

Л.П.: Нет, пожалуй, не сотни. Но десятки.

В.А.: А число шаманов было каково?

Л.П.: У меня есть статистика только по тувинским шаманам. По алтайским я не знаю, но было их очень много, полагаю, что не меньше, чем у тувинцев. Даже в одном сеоке, в одном роде, было по нескольку шаманов. Опять-таки, ведь были и родовитые, сильные шаманы, и подшаманивающие, халтурщики.

В.А.: Существовали еще и помощники?

Л.П.: Нет, у алтайских шаманов особых помощников не было. Большинство алтайских шаманов были сосланы. Но вот что любопытно. Я встретил вернувшегося из ссылки хакасского шамана, проведшего 10 лет в лагерях на севере. Беседа происходила в 1946 г. И я хотел порасспрашивать его о Хакасии. Он меня как черт ладана боялся, хотя я пришел к нему с хакасами. Он прятался, убегал, уплывал куда-то на лодке на ночь. Но все-таки однажды я его застал. Он не успел никуда убежать, и пришлось ему со мной беседовать. Я его уговаривал: "Это необходимо для истории, ведь ничего же не записано. Вот ребята, они этого не знают. А на Алтае все это существует. Хочешь, я тебе алтайскую покажу ..." И запел голосом шамана с приговором. Он начинает прислушиваться. Я продолжаю, веду рассказ одновременно. "От, от, пожалуй, так же. А это не так". И наконец, начинает сам втягиваться в это дело. Все кончилось тем, что я целых 2 дня с ним работал и напечатал потом в сборнике МАЭ статью "Уникальный предмет шаманского культа", именно по материалам человека, отсидевшего 10 лет и не растерявшего ничего. Все помнил. Так что шаманы многое пережили. Если будет немецкое издание моей книги, то я хочу сделать небольшое предисловие, в котором скажу, что считать шаманов убежденными врагами советской власти нет никаких оснований, они ведь даже часто не понимали, что есть советская власть. Естественно, видя все, что творится вокруг - а именно физическое уничтожение шаманов - они восприняли это как враждебный акт. Любой образованный человек воспринимался ими поэтому как враг. Но шаманы не обладали ни организационными способностями, ни возможностями объединиться - следовательно, не могли принести никакого особого ущерба.

В.А.: Но вернемся к послевоенным временам.

Л.П.: После войны я опять начал интенсивно ездить на Алтай и в Туву, особенно в Туву. Поездки в Туву заняли у меня 11 лет жизни. Я выпустил три тома материалов тувинской экспедиции, а четвертый так и не успел издать. И конечно же, продолжал ездить на Алтай. В эти годы я очень расширил свой кругозор изучением зарубежных материалов по шаманизму.

В.А.: А зарубежные классики и корифеи насколько были известны? Скажем, тот же Франц Боас, Малиновский ... Другими словами, была ли наша этнография изолирована от всего остального мира?

Л.П.: Нет, что вы. Этим много занимался Штернберг, он очень хорошо излагал основные зарубежные теории. Есть его известная работа "Современная этнология. Новейшие успехи, научные течения и методы" (Этнография. 1926. №1-2. С.15-43), в которой он рассматривает и

Фрейда, и Малиновского, и Гребнера, и пастора Шмидта, так называемую культурно-историческую школу и т.д. Фрезер был очень интересен, Леви-Брюль ... Этим интересовались и занимались. Я тоже различными зарубежными школами занимался, но в порядке семинарских занятий. Я вел в институте теоретический семинар, который был очень интересным. Часто выступали на нем Н.А.Бутинов, мой обычный оппонент, Д.А.Ольдерогге, В.Р.Кабо, А.М.Решетов, А.И.Собченко, Соня Маретина, которую я принимал в аспирантуру ... Мы даже издавали работы нашего семинара.

В.А.: А Богораз вспоминал о Джессупе, о Боасе?

Л.П.: Конечно же. Оба - и Богораз, и Штернберг. Богораз особенно Боаса любил. Знаете, Богораз запомнился мне вот чем. Сидим мы как-то в его кабинете, это там, где сейчас Кинжалов сидит. Сидим, разговариваем. Веселые все, Ольдерогге недавно из Германии вернулся ... И кто-то спрашивает вдруг, может быть, тот же Ольдерогге: "Скажите, пожалуйста, а что такое фашизм?" Богораз и отвечает: "Фашизм? Это коммунизм наоборот ..." Очень интересный был человек ... Я вспомнил один эпизод, связанный со Штернбергом. Он подарил мне свою статью с дарственной надписью накануне моей поездки к шорцам зимой. И сказал мне: "Леонид, вы едете к шорцам, будете жить в тайге, ходить на промысел - это очень тяжелые условия (он это знал, он сам полевик был). Как у вас с зубами?" "Не знаю, Лев Яковлевич, вроде ничего". "Вы обязательно до отъезда должны показаться зубнику. Сходите к моему брату". Отправил меня к зубнику, тот нашел, что действительно надо что-то запломбировать. Вы представляете себе, что такое больной зуб в тайге - жизнь каторгой покажется. Вот такая это была светлая личность. К сожалению, когда я вернулся из экспедиции, его уже не было в живых.

В.А.: А когда вы возглавили Ленинградскую часть института?

Л.П.: Году в 1948, наверное. В общей сложности у меня было 20 лет директорствования.

В.А.: 20 лет?

Л.П.: Да, 20 лет я сидел в этом кресле. Я бы, может быть, и еще посидел, да не смог сработаться с Бромлеем. Он, конечно, и организатор, и аппаратчик великолепный, и я отдаю ему в этом должное; но он не совсем человек академической науки, а с известным налетом конъюнктурности. Взять и перевернуть всю науку, свести ее лишь к этническим процессам - это не дело. Наука должна быть самая разнообразная. Ведь русская этнографическая наука всегда славилась. Посмотрите старые работы - какие интересные вещи делались в Казани, Одессе, Киеве, Географическом обществе ... Это была наука, и еще какая! И если мы опять вернемся к изучению традиционной культуры, то можем сделать еще многое, что будет иметь даже практическое применение. Надо дать общую картину традиционной культуры, а не выхватывать отдельные элементы для своих исследований...

В.А.: Вы говорите о системе жизнеобеспечения, социальной структуре ...

Л.П.: Да. Это необходимо знать и учитывать, особенно в определенных природных условиях, например в горах, где на тракторе не проедешь ... А наши охотники и скотоводы знают все кормовые угодья, знают водопои, знают, где можно пасти скот даже зимой, знают, откуда будут дуть ветры в эту зиму. И все это живет в практике до сих пор. Им надо дать свободу хозяйствовать так, как они умеют.

В.А.: Но, как мне кажется, слабость Бромлея была именно в том, что он не был полевым этнографом. У него был излишний крен в сторону схоластического теоретизирования. Ведь во всех его построениях - ЭСО, этникосах и т.п. - был элемент схоластики.

Л.П.: В этом он был схож с Левой Гумилевым. А знаете, Гумилеву я в свое время здорово помог. Он вернулся из последней ссылки, пришел ко мне, сидел вот тут, в этом кресле. И я его поддержал. Я напечатал его работу в сборниках МАЭ, ему ведь тогда есть совсем было нечего. Но вообще он завирака невероятный. Вот хотя бы его знаменитая книга о тюрках. Я ведь на тюрках собаку съел. Читал я ее не отрываясь, задыхался от удовольствия, он ведь здорово пишет. Прочитал, решил более внимательно посмотреть, что к чему. Начал снова листать - Боже мой! Чего там только не находил! Вот фантазер! А стихи пишет. Стихи у него хорошие.

В.А.: Он безусловно талантливый человек. Талантливый, однако одно его теоретическое построение я рассматриваю как элемент социального расизма. Я говорю о его рассуждениях насчет пассионарности и межэтнических мутациях. Конечно, я не подразумеваю в этом никакого злого умысла.

Л.П.: Да, я с вами согласен.

В.А.: Мне все время хотелось спросить у него, не смог ли бы он перечислить все народы, заканчивающие свое существование, и те, которые находятся в стадии пассионарности.

Л.П.: Эти построения Гумилева увлекают неспециалистов.

В.А.: Да, "пассионарность" вошла сейчас даже в политический язык. Я недавно прочитал в "Независимой газете", не помню автора: "Ход реформ в процессе демократизации идет по-разному, в различных регионах России в зависимости от пассионарности этносов ..." или что-то похожее, не помню точно.

Л.П.: Его пассионариев я читал еще в рукописи. Он хотел получить степень доктора второй раз и, по-моему, получил. Первый раз он получил за свою книгу о древних тюрках. Но, вы знаете, когда я просил в одном научном журнале написать рецензию на его книгу, мне ответили, что на беллетристику они рецензий не пишут.

В.А.: Меня очень волнует вопрос с музеем. За последнее десятилетие оттуда не только ушла чисто полевая этнография, а родилась "вторичная", то, что хотя у нас и называется этнографией, на деле же является работой на основе литературы. К тому же в музей приходит все больше и больше людей, не имеющих представления о музейной работе, о музейной специфике. То, что музей в свое время потерял свой музейный статус и стал институтом ...

Л.П.: Это было огромной ошибкой, допущенной в отношении целого ряда музеев - зоологического, минералогического ... Ведь можно же было создать научно-исследовательский институт, но - при музее. И кроме того, музеи могут быть полностью самоокупаемыми ...*

В.А.: Да, и последний вопрос, который мне хотелось бы задать. Вы упомянули работу Штернберга "Современная этнология ..." В МГУ до 1931 г. также был этнологический факультет. Как случилось, что у нас термин этнология исчез, в то время как во всем мире остался?

Л.П.: Знаете, Лев Яковлевич был все-таки за термин этнография. В названии статьи этнология появилась постольку, поскольку работа посвящена различным течениям зарубежной науки, именуемой во всем мире этнологией.

В.А.: Я объясню Вам свою позицию относительно термина этнология и переименования института в Институт этнологии и антропологии. Антропология обязательно должна была появиться в названии института, поскольку у нас и в Петербурге, и в Москве есть отделы, занимающиеся физической антропологией. Этнология же более понятный термин для зарубежных коллег, а то мы уже устали объяснять каждый раз, что есть этнография.

Л.П.: Я против названия "этнология" ничего не имею, это общепринятый термин, понятный.

В.А.: Кроме того, мне хотелось сделать более привлекательным имидж данной профессии в глазах молодежи. Меня очень волнует, что сейчас талантливая молодежь с истфака в этнографию не идет, видя в ней науку старомодную, описательную.

Л.П.: Раньше тоже молодежь не шла. Такие были дебаты - а что нам это даст, что мы будем зарабатывать ...

В.А.: Тоже такая проблема существовала?

Л.П.: Да, да еще какая.

В.А.: А все-таки я вопрос ставлю так: этнология - это название дисциплины, а этнография - это наш цех, основа ее, т.е. то, что мы делаем в поле и последующая текстуализация записей, работа с вещественно-предметными источниками, в том

---

* Решением президиума РАН от 14 апреля 1992 г. Санкт-Петербургский филиал Института этнологии и антропологии РАН преобразован в самостоятельное учреждение - Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого со статусом НИИ РАН.

числе с музейными коллекциями. То есть музей может быть только этнографический, а наука - этнологией. Согласны ли Вы с этим?

Л.П.: Да, безусловно. Для названия науки этнология подходит больше.

Список работ Л.П.Потапова по алтайскому шаманизму*

Пережитки культа медведя у алтайских турок//Этнограф-исследователь (Ленинград), 1928, N 2-3. С.15-21;

Охотничьи обряды и поверья у алтайских турков//Культура и письменность Востока. Баку, 1929. Кн.V. С.123-149;

Лук и стрела в шаманстве у алтайцев//СЭ. 1934. N3. С.64-76;

Следы тотемистических представлений у алтайцев//СЭ. 1935. N4-5. С.134-151;

Культ гор на Алтае//СЭ. 1946. N2. С.145-160;

Религиозные и магические функции шаманских бубнов: (Рукопись И.Т.Савенкова)//КСИЭ, вып.1. М., 1946. С.41-45;

Обряд оживления шаманского бубна у тюркоязычных племен Алтая//ТИЭ, новая серия. Т.1. М., 1947. С.159-182;

Бубен телеутской шаманки и его рисунки//Сб.МАЭ. 1949. Т.10. С.191-200;
Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков//КСИЭ. Т.30. 1958. С.135-142;
К изучению шаманизма у народов Саяно-Алтайского нагорья//Филология и история монгольских народов: Памяти акад. Б.Я.Владимирцова. М., 1958. С.314-322;
Из истории ранних форм семьи и религиозных представ-лений: (Обычай дарения убитого лебедя у хакасов)//СЭ. 1959. N2. С.18-30;
К семантике названий шаманских бубнов у народностей Алтая//СТ. 1970. N6. С.86-93;
Умай - божество древних тюрков в свете этнографических данных//ТС. 1972. М., 1973. С.265-286;
Некоторые аспекты изучения сибирского шаманства (Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук). М., 1973. 16 с.;
Алтае-саянские этнографические параллели к девнетюрк-скому обряду жертвоприношения домашних животных и их _____
* В список включены и две работы по народным верованиям узбеков.

историческое значение//УЗ ГА НИИ ИЯЛ. Вып.11. 1974. С.51-62;
Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая//Фольклор и этнография. Л., 1977. С.164-178;
К вопросу о древнетюркской основе и датировке алтайского шаманства//Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С.3-36;
Древнетюркские черты почитания Неба у саяно-алтайских народов//Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С.50-64;
Йер-суб в орхонских надписях//СТ. 1979. N6. С.71-77;
Исторические корни алтайского шаманизма//Краткое содержание докладов сессии Института этнографии АН СССР. Л., 1980;
Опыт изучения древнетюркских элементов в алтайском шаманстве//Литература и история. Ташкент, 1980;
Шаманский бубен качинцев как уникальный предмет этнографических коллекций//Сб. МАЭ. 1981. Т.37. С.124-137;
О шаманском языке у алтае-саянских народов//Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. М., 1986. С.56-57;
Андрей Викторович Анохин как исследователь шаманства у алтайцев//Проблемы истории Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1987. С.138-151 (частичное переиздание с сохранением названия в кн.: Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. Горно-Алтайск, 1994. С.3-7);
Элементы религиозных верований в древнетюркских генеалогических легендах//СЭ. 1991. N5. С.79-86;
Алтайский шаманизм. Л., 1991. 321 с.;
Die Herstellung der Schamanentrommel bei den Лor// Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. 1934. Jg.37. Abt.1. Ostasiatische Studien. S.53-73 (в соавторстве с Менгесом);
Die Schamanentrommel bei den altaischen Völkerschaften// Glaubenswelt und Folklore der Sibirischen Völker. Budapest, 1963. S.223-256;
Über den Pferdekult bei den türksprechenden Völkern des Sajan-Altaj Gebirges//Abhandlungen und Berichte des Staatlichen Museum für Völkerkunde Dresden. Bd.34. Berlin, 1975. S.473-487;
Signification rituelle du pelage des chevaux chez les populations Sajano-altaiennes//L'Ethnographie (Paris), 1977. N2. P.81-91;
Altaic Shamanizm. Essay in historical dating//Problems of ethnography. Papers by Soviet researchers. Moscow, 1978. P.40-50;
The shaman drum as a source of ethnographical history// Shamanism in Siberia. Budapest, 1978. P.169-179.
Leonid Pavlovic Potapovs Materialien zur Kulturgeschichte der Usbeken aus den Jahren 1928-1930 mit begleitenden Worten des Sammlers herausgegeben und eingeleitet von Jakob Taube. Markkleeberg, 1995. - 248 S.

Л.П.Потапов

НА КАМЛАНЬИ*

(*Дорожные заметки*)

Из Узнези к Санаваю приехали поздно. Заходящее солнце бросало последние лучи на верхушки гор. Камланье должно было быть по случаю перехода Санавая в новую юрту.

Съехались гости. Приехал утку-кам (великий кам) Сапыр Туянин, с вершины реки Куюма. Началось деятельное приготовление. В юрту носили дрова, воду. Кололи для гостей баранов.

Войдя в юрту, я увидел следующую картину: горевший костер освещал лица съехавшихся гостей. Направо, отдельной группой, сидели женщины в своих оригинальных нарядах, и все курили трубки. Налево расположились мужчины, просто одетые, тоже с дымящимися трубками. Среди последних заметно выделялись двое: старик, с чрезвычайно крупными чертами лица и поседевшей большой головой - хозяин юрты, и другой, сидевший на почетном месте, в переднем углу, мужчина средних лет, приличного роста и крепкого телосложения, с симпатичным лицом, на котором было ясно выражено сознание собственного достоинства. Этот последний и был кам. Одет он был так же просто, как и все остальные.

Сев на левую сторону юрты и оставаясь в тени, я мог хорошо наблюдать за всем происходящим. По моему подсчету, всех присутствовавших было человек тридцать. Шел несмолкаемый говор, постоянно слышались: "Не табыш?", "якши-ба?" (что нового? как живете?) и неустанно дымились и передавались от одного к другому трубки.

Тут я заметил, что на чарыктыке (деревянные нары, идущие вдоль трех передних стен юрты) лежало приготовленное одеяние кама: маниак (верхняя одежда) и порук (головной убор). В стороне, над таганом, нагревали бубен.

© Л.П.Потапов, 1995 г. (Первая статья Л.П.Потапова по алтайскому шаманизму; впервые опубликована в журн.: Алтайский кооператор, 1924, №15, С.36-37).

* Камланье - религиозный обряд алтайских шаманистов. Шаманизм - вера в духов. Шаман, кам - духовное лицо, жрец.

Когда бубен был достаточно нагрет, кам приступил к обряду. Он надел красивый головной убор, маньяк и, ударив в бубен, запел священные молитвы - заклинания. Медленно и плавно покачиваясь, кам оставался все время на одном месте. Я положительно залюбовался его фигурой, освещенной светом костра. Но вот он, медленно кружась, покачивая высоко поднятой головой, приблизился из переднего угла двери, учащая при этом удары в бубен. В открытую дверь и дымоход было видно небо с слабо мерцающими звездами. Кам выпрыгнул из юрты. По звуку бубна можно было слышать, как он отдалялся от юрты. Через минуту он снова приблизился, неистово крича и ударяя в бубен. В открытую дверь что то с шумом влетело и, взвившись кверху, упало у костра. Это был головной убор кама. Вслед за этим показался и кам. Он как бубдто силился войти в дверь, но его что-то отталкивало. Наконец, с большим усилием, он перешагнул порог и, шатаясь, продолжал камлать около двери. Дверь затворилась. Теперь кам, постепенно стихая, камлал, обратившись лицом к костру, изнеможенный, без шапки, и, наконец, затих.

Сев на землю, отставив в сторону бубен, низко наклонив голову, поддерживая ее рукой, этот здоровый мужчина, утомленный продолжительным экстазом, имел теперь жалкий вид. Он тяжело дышал, отплевывался и стонал, безумно вращая глазами по сторонам. Наконец, придя в себя, он отодвинулся от костра и тут-же, не обращая внимания на присутствующих, улегся спать.

Началось угощение гостей, которое продолжалось до утра следующего дня, когда и кам и гости разъехались по домам.

Тронулись вместе с ними и мы.